

Зарубежный опыт отраслевого регулирования в условиях кризиса и бюджетных ограничений

Рафиков Тахир Гарифович, ассистент кафедры территориальной экономики ИУЭФ КФУ, г. Казань

научный руководитель Галлямова Динара Хамитовна, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой территориальной экономики ИУЭФ КФУ, г. Казань

аннотация: в статье рассматривается зарубежный опыт государственного планирования и регулирования ключевых отраслей экономики, а также целесообразность государственного вмешательства и поддержки народного хозяйства. Рассматривается концепция «Made in China 2025» и сравнивается со стратегией 2020 в РФ.

ключевые слова: новая индустриальная революция, государственное стимулирование отраслей промышленности, плановая экономика, пятилетние планы, стратегия «Made in China 2025», Стратегия-2020.

Настоящее время является для мировой экономики одновременно сложным и судьбоносным. Сложным, так как налицо мировой экономический кризис, причины которого обсуждаются и дискутируются разными экономическими школами, от неоклассиков до марксистов. Судьбоносным, потому что после резкого скачка производительности, связанного с внедрением IT-технологий, наметился определённый застой в развитии – и для его преодоления необходимы качественные прорывы во всех отраслях мировой экономики. По мнению большинства экспертов, мир стоит на пороге новой индустриальной революции – в Германии её так и назвали Industry 4.0. Соответственно, для ускорения технологических прорывов необходимы усиленные инвестиции в желаемые отрасли.

Однако, в силу непростой экономической ситуации в мире, инвестиционные возможности большинства стран и научных корпораций ограничены – мы имеем дело с бюджетными ограничениями, известными ещё из микроэкономики. Практически ни одно государство, ни одна ТНК не могут в полном объёме финансировать исследования и разработки по всем интересующим сферам. Следовательно, необходимо выбирать наиболее приоритетные направления и проекты.

При этом немаловажным является сам вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в выбор и развитие каких-либо отраслей экономики – или же неограниченная конкуренция и свободный переток капиталов сами сделают всю работу?

Если обращаться к истории экономической мысли, то ответы на поставленный вопрос давались различные – в зависимости от экономического

направления и школы, к которым принадлежал отвечающий. Так, исторически, пожалуй, самая ранняя экономическая школа – меркантилизм – безусловно советовала государству определять наиболее привлекательные отрасли национального хозяйства и всячески их поддерживать, защищая от конкуренции с аналогичными зарубежными отраслями (доктрина протекционизма). Пришедшая на смену меркантилизму английская классическая политэкономия в лице, прежде всего, А. Смита и Д. Рикардо, напротив, декларировала фритрейдерство, т.е. отсутствие любых препятствий для свободной торговли, в том числе и вмешательства государства, которое искажало бы идеальный регулирующий механизм свободного рынка. В дальнейшем все экономические течения занимали ту или иную позицию в вопросе о вмешательстве государства в экономику, покрывая весь спектр вариантов от полного отрицания государственного вмешательства (либертарианство) до жёсткой административно-командной регламентации экономической жизни (радикальный марксизм, фашистские концепции) – со множеством промежуточных значений. Таким образом, единства мнений здесь среди экономистов не существует, а мейнстрим и авторитетность мнений перемещаются во многом благодаря моде и политической конъюнктуре.

Некоторую ясность в данном вопросе может прояснить обращение к историческому опыту. Неоднократно отдельные страны использовали ресурсы государственного вмешательства и регулирования для стимулирования развития избранных отраслей – и часто это давало впечатляющие результаты. Наиболее масштабным здесь можно признать, безусловно, опыт Советского Союза. Начиная с первых пятилеток 1920-х гг. советское правительство наметило чёткий план по развитию промышленности, в первую очередь тяжёлой. Причины подобных приоритетов крылись, с одной стороны, в идеологических особенностях воззрений стоявших у руля людей, а с другой стороны, в непростой политической обстановке того времени, когда молодая страна находилась во враждебном окружении и опасалась (небезосновательно) внешней угрозы. Для её предотвращения был нужен мощный военно-промышленный комплекс, на создание которого и были брошены основные ресурсы страны. Результатом стали рекордные темпы промышленного роста СССР (до двадцати процентов ежегодно) на протяжении целого десятилетия.

Другим примером государственного регулирования и стимулирования отраслей является Южная Корея второй половины двадцатого века. Когда говорят о «южнокорейском экономическом чуде», далеко не всегда вспоминают о пятилетних экономических планах, во многом позаимствованных у СССР. Согласно этим планам государство развивало те отрасли народного хозяйства, которые были наиболее актуальны в тот момент. Так, первая южнокорейская пятилетка была направлена на стимулирование таких базовых отраслей как энергетика и цементная промышленность. А, скажем, третья пятилетка

стимулировала уже экспортно-ориентированные отрасли тяжёлой и химической промышленности.

Но, наверное, самым показательным примером в данном вопросе может служить нынешний мировой лидер по реальному объёму ВВП – Китай. В этой стране государственное регулирование и протекционизм имеют давние традиции (ещё с раннего средневековья). В двадцатом веке после социалистических преобразований экономика Китая также строилась согласно пятилетним планам. Переход к смешанной планово-рыночной экономике, осуществляемый с 1980-х годов, не отменял государственного планирования и регламентирования основ экономической жизни. Каждая из пятилеток представляет собой систему целей, планов и механизмов их реализации.

В дополнение к пятилетним планам Китай проводит средне- и долгосрочное планирование. В настоящее время в стране действует недавно принятая 10-летняя концепция «Made in China 2025». Некоторые эксперты называют её китайским вариантом Industry 4.0. Однако, на наш взгляд, такое сравнение будет не совсем верно: немецкая разработка является именно концепцией, т.е. довольно аморфным и не до конца определённым видением будущей экономики. В то время как «Made in China 2025» - вполне оформленный продукт, включающий как чётко сформулированные цели, так (и это, на наш взгляд, главное отличие и достоинство данной стратегии) и механизмы их реализации. Причём эти механизмы затрагивают практически все сферы экономической жизни страны: институциональные реформы (повышение открытости рынков), финансовая поддержка приоритетных направлений, фискальная и налоговая политика по отношению к ключевым предприятиям, система поиска и выращивания «новых талантов» (новых кадров), организационные мероприятия (создание специального центра по обновлению промышленности).

Вообще же концепция «Made in China 2025» производит впечатление не только амбициозностью целей, но и комплексным, всесторонним подходом к достижению поставленных результатов. Планируется использовать и прямые (финансирование, создание гос. структур и предприятий), и косвенные (налоговые, институциональные) методы, создание соответствующей инфраструктуры (в т.ч. образовательных центров) и т.д. Именно подобная скрупулёзность и масштабность подходов позволила Китаю стать экономическим лидером в мире.

Анализируя концепцию «Made in China 2025» сложно удержаться от сравнения с аналогичной по замыслу Стратегией-2020, разработанной в РФ. Цели и задачи отечественной стратегии во многом перекликаются с китайской концепцией. Установлены количественные показатели (рост ВВП, рост производительности труда, снижение энергоёмкости, уровень инвестиций и т.п.). Однако реалистичность данных ориентиров и эффективность механизмов

для их достижения изначально вызывали серьёзные вопросы, а после кризисов 2008 и 2012 гг стало окончательно очевидно, что в полном объёме Стратегия-2020 реализована быть не может. В то же время китайская стратегия, будучи более узко сконцентрированной на наиболее технологичных сферах промышленности и обеспеченной финансовой мощью Китайской Народной Республики, имеет все шансы на эффективную реализацию, как и большинство стратегических планов, выработанных ранее КНР. Поэтому в заключение хочется пожелать разработчикам отечественных стратегических программ быть более реалистичными и не пытаться объять необъятное, а исходить из реальных возможностей и поддерживать преимущественно те отрасли, которые могут стать настоящими локомотивами новой постиндустриальной экономики.